

Закономерности и недостатки технико-юридического закрепления правовых преимуществ в современном российском законодательстве

А. Г. Репьев¹, И. Н. Сенякин²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России,
Российская Федерация, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

² Саратовская государственная юридическая академия,
Российская Федерация, 410056, Саратов, ул. Вольская, 1

Для цитирования: Репьев, Артем Г., Сенякин, Иван Н. 2019. «Закономерности и недостатки технико-юридического закрепления правовых преимуществ в современном российском законодательстве». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 428–443.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.302>

На данном этапе развития юридической науки преимущества в праве и законодательстве так и не стали объектом концептуального научного анализа. В связи с этим представляется актуальным осмыслить формы их выражения в языке юридических документов и технико-юридические особенности, характерные для актов федерального, регионального и муниципального уровней. Обозначенные цели работы определили решение следующих научно-практических задач: выявить сложившиеся в законодательстве закономерности и существующие недостатки правовой определенности преимуществ одних субъектов над другими; определить приоритетные технико-юридические направления оптимизации процесса закрепления правовых преимуществ в нормативных правовых актах. Проведенный анализ массива законодательства показал, что, несмотря на активное использование конструкций «правовое преимущество», «преимущественное положение», «преимущественное право», органы правотворчества так и не предприняли попытки сформулировать дефиницию термина «правовое преимущество», предложить видовое и подвидовое деление. Обозначенные упущения привели к синонимии не только видовых понятий системы правовых преимуществ (льгота, привилегия, иммунитет), но и подвидовых (компенсация, дотация, пособие и др.). В отсутствие ясного, четкого регламентирования правового регулирования через систему подобного рода дозволений высшего порядка правоприменитель вынужден идти по пути аналогии, толкования, к сожалению, не всегда верного. Выводы, к которым пришли авторы, позволили определить пути совершенствования законодательского процесса, предложить варианты решения образовавшихся правовых коллизий и противоречий, дать конкретные рекомендации по улучшению технико-юридического процесса закрепления правовых преимуществ в языке нормотворчества.

Ключевые слова: правовое преимущество, юридическая техника, исключение, оценочное понятие, привилегия, иммунитет, льгота.

1. Введение. Совокупность правил, приемов, средств, методов закрепления в текстах нормативных правовых актов преимуществ одного субъекта над другим — вопрос крайне важный, даже ключевой для настоящего исследования.

От того, насколько верно правоприменителем будет интерпретирована и в конечном счете реализована мысль правотворческого органа, во многом зависит эффективность правового регулирования через систему привилегий, иммунитетов, льгот и особых правовых процедур.

В правовой науке сложились определенные расхождения относительно смысла, вкладываемого в понятие «юридическая техника». Так, В. М. Баранов считает данное словосочетание традицией и более верным полагает употребление термина «юридическая технология» (Баранов 2000). Н. А. Власенко, В. Н. Карташов и С. В. Бахвалов, в свою очередь, рассматривают их как часть и целое, называя юридическую технику составным элементом юридической технологии (Власенко 2001, 9; Карташов и Бахвалов 2010, 65). Т. В. Кашанина придерживается противоположной позиции, включая технологию в содержание техники в качестве одного из элементов последней (Кашанина 2008, 27). И. В. Колесник видит юридическую технику источником формирования технологии (Колесник 2014, 84). В рамках данной работы не будем углубляться в дискуссию. Наше внимание обращено на лингвистические, технико-терминологические закономерности, особенности и недостатки системы преимуществ с целью выработки средств повышения эффективности ее реализации путем более четкого, ясного, недвусмысленного закрепления.

Недостаток определенности любой нормы крайне негативно сказывается на реализации прав, свобод, законных интересов субъектов общественных отношений. Особенно остро это ощущается, если такие субъекты в силу своего специального правового статуса могут быть наделены не только базовыми правами, но и правовыми преимуществами, которые, выступая комплексной, межотраслевой юридической категорией, имеют в числе прочего инструментальную составляющую. С этой точки зрения *преимущества являются средством, позволяющим физическим и юридическим лицам удовлетворять свои интересы наиболее полно и всесторонне, предоставляющим им особые дополнительные права и гарантии, а также не накладывающим на них определенных обязанностей, запретов и ограничений.*

Рассматривать технико-юридический аспект системы правовых преимуществ с позиции совершенствования процесса ее воплощения и реализации позволит в первую очередь толкование права. Оно решает не только такую задачу дня сегодняшнего, как восполнение отдельных пробельных или коллизионных участков законодательства (например, в случае применения субсидиарной правовой аналогии), но и куда более перспективную — задачу выработки новых подходов к пониманию, основанному на преимуществах. Р. Иеринг писал так: «С толкования не только повсюду начала юриспруденция, но оно и должно быть всегда первым приемом, предпринимаемым ею над сырым материалом закона» (Иеринг 1905, 65).

2. Основное исследование. Анализируя при помощи толкования массив преимуществ, сосредоточим внимание на следующих закономерностях, присущих языку закрепления подобных отступлений от равенства в текстах нормативных правовых актов.

Первое, что обращает на себя внимание, — это взаимозаменяемость слов или даже сочетаний, т. е. поиск правотворческими органами так называемой *синонимии*. Полагаем, что аксиомой нормотворчества всегда было утверждение, согласно которому количество синонимов, используемых в тексте нормативного положе-

ния, должно быть сведено к минимуму. Это представляется ясным и очевидным ввиду требований, предъявляемых к источникам права: точность, понятность, недвусмысленность (Власенко 2007, 488).

Однако законодатель и органы официального толкования сегодня, на наш взгляд, увлеклись процессом поиска синонимов для каждого из типов преимуществ в праве, в результате чего категория «иммунитет», например, закрепляется в текстах как «неприкосновенность» (ст. 98 Конституции РФ, Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»¹) или «гарантия личной безопасности» (Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20.01.2015 № АПЛ14-634 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 02.10.2014 № АКПИ14-1118, которым было оставлено без удовлетворения заявление об отмене Постановления ГД СФ РФ от 04.07.2014 № 4766-6 ГД “О даче согласия на лишение неприкосновенности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Паршина Н. А. и привлечение его в качестве обвиняемого”»); «льгота» — как «социальное пособие», «социальная гарантия» (п. 7 Краевого отраслевого соглашения организаций лесного комплекса Алтайского края на 2014–2016 гг., утв. Союзом организаций лесной отрасли Алтайского края «Алтайлес», Алтайской краевой общественной организацией профсоюза лесных отраслей, Главным управлением природных ресурсов и экологии Алтайского края 14.03.2014) и т. д.

В этом «синонимичном строю» находятся не эквивалентные, а зачастую и прямо противоположные слова и термины, что предопределяет снижение эффективности правового регулирования через систему преимуществ, способствует путанице субъекта в процессе поиска того инструмента, на который он по праву рассчитывает, исходя из своего специального правового статуса.

Относительно иммунитета здесь впору говорить о неполноценном или не до конца состоявшемся переходе латинского термина в русский. Полагаем, что это могло быть обусловлено, в частности, отсутствием определения термина ввиду прозрачности его значения. Однако практика применения доказала ущербность подобного пути, приведшего к неупорядоченности системы терминов «иммунитет», «индемнитет», «неприкосновенность» и пр., что позволило некоторым ученым отнести к ним явления, не охватываемые их содержанием.

Технико-юридический процесс, как известно, предполагает системность и гибкость. Он не должен избегать противоположного явления — *антонимии*, т. е. использования в юридическом языке возможностей противопоставления смысловых значений друг другу. Считаем важным, чтобы преимущественное положение субъекта обязательно сопровождалось установлением приемов ограничения данной возможности. Роль подобного сочетания методов дополнения правового статуса субъекта через преимущество и установление изъятий из него, пределов действия путем ограничений сложно переоценить. С их помощью мы можем если и не увидеть логическую стройность конструкции правового закрепления иммунитетов, льгот, привилегий, ее системность, целостность, то хотя бы нащупать некий баланс общественных отношений (Белоусов 2015б, 63–68).

¹ Здесь и далее все ссылки на нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 1 октября, 2018. <http://www.consultant.ru>.

Вместе с тем просматривается обеднение аппарата антонимических терминов для процесса воплощения и реализации преимуществ в праве. Чтобы такие преимущества были эффективны, законодатель должен использовать весь ряд сдерживающих правовых явлений. Безусловно, фундамент заложен категорией «ограничение», но далее цепочку необходимо продолжать и развивать:

- «иммунитет — исключение»; например, «свидетель, эксперт или иное лицо, которое по просьбе запрашивающего государства-участника соглашается давать показания в ходе производства или оказывать помощь при осуществлении расследования, уголовного преследования или судебного разбирательства на территории запрашивающего государства-участника, не подвергается уголовному преследованию, заключению под стражу, наказанию или какому-либо другому ограничению его личной свободы на этой территории в связи с действием, бездействием или осуждением, относящимися к периоду до его отбытия с территории запрашиваемого государства-участника. Действие такой гарантии личной безопасности прекращается, если свидетель, эксперт или иное лицо в течение пятнадцати последовательных дней или в течение любого согласованного между государствами-участниками срока, начиная с даты, когда такое лицо было официально уведомлено о том, что его присутствие более не требуется судебным органам, имело возможность покинуть территорию запрашивающего государства-участника, но тем не менее добровольно осталось на этой территории или, покинув ее, возвратилось назад по собственной воле» (п. 27 Конвенции ООН против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН));
- «привилегия — лимит»; так, «Российская Федерация предоставляет тарифные преференции в соответствии с международными договорами государств — членов Таможенного союза, международными договорами Российской Федерации. К товарам, ввозимым в Российскую Федерацию свыше установленного количества (квоты), применяется ставка ввозной таможенной пошлины в соответствии с Единым таможенным тарифом Таможенного союза» (п. 1 и 2 ст. 36 Закона РФ от 21.05.1993 № 5003-1 «О таможенном тарифе»);
- «льгота — изъятие»; в частности, «инвалиды Отечественной войны I и II групп пользуются правом бесплатного проезда по железной дороге или на судах транзитных и местных линий речного флота один раз в год (туда и обратно) и с 50-процентной скидкой — воздушным, водным или междугородным автомобильным транспортом. Лицу, сопровождающему в поездках инвалида I группы, предоставляется 50-процентная скидка со стоимости проезда указанными видами транспорта» (п. 14 Постановления Совмина СССР от 23.02.1981 № 209 в ред. от 01.07.1991 «Об утверждении Положения о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих (вместе с Положением о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих)»);
- «особая правовая процедура — пределы»; например, «инвалиды Отечественной войны и семьи погибших военнослужащих, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, в первоочередном порядке обеспечиваются

жилой площадью <...> за счет жилой площади, передаваемой министерствами и ведомствами в распоряжение исполнительных комитетов местных Советов народных депутатов» (п. 15 Постановления Совмина СССР от 23.02.1981 № 209 в ред. от 01.07.1991).

Положительным выглядело бы использование в этом случае всего арсенала антонимов слову «преимущества» — «лимиты», «цензы», «пределы», «приостановления», а возможно, и такие архаизмы, как «умаление», о которых речь пойдет ниже. При активном использовании антонимов в паре с «преимуществом» достигаются четкость, определенность правового регулирования. Действуя парно, они обеспечивают достижение истинной функциональной роли преимуществ как средства улучшения правового положения, а также их справедливость, объективность.

Вместе с тем при законодательном опосредовании правовых преимуществ хотелось бы избежать *омонимии* терминов. Совпадение разных по своему значению словесных форм характерно как для непосредственных видов преимуществ, так и для сущностных конструктов, при помощи которых наполняется их содержание.

Самым очевидным примером обозначенного тезиса выступает отождествление компенсации как вида льготы и компенсации как элемента восполнения утраченных благ или лишения основополагающих прав, что крайне негативно влияет на процесс правоприменения. Кроме того, в законодательстве нередко можно встретить синонимы таких ключевых элементов содержания преимуществ, как «неприкосновенность» (относительно иммунитета), «поддержка» (применительно к привилегии), «помощь» (касательно льгот), «гарантия» (при рассуждениях о властной прерогативе).

Опасность увлечения омонимией, на наш взгляд, очевидна. Совпадение с точки зрения формы не означает одинакового смысла и тождественного содержания. С теоретико-правовой позиции это приводит к коллизиям, конфликтам правовых норм, с практико-прикладной — к жалобам и судебным искам (например, о необоснованном отказе в предоставлении льгот, привилегий и т. д.).

Здесь не стоит забывать и об особом психологическом аспекте при обращении к преимуществам. Термин «преимущество» употребляется в законодательстве нередко с ярко выраженной эмоциональной окраской, без сопутствующего правового закрепления какого-либо приоритетного права или правового положения, выгодного по сравнению с другими. Так, Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит бланкетную норму ст. 5.45 «Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума». Закон в данном случае не раскрывает, о каких именно преимуществах идет речь. Помимо этого, положение отсылает правоприменителя в числе прочего к Федеральному конституционному закону от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации», который также не детализирует, каким образом может быть использовано должностное положение. Тем не менее смысл нормы явно направлен на толкование внеправовых преимуществ, имеющих оттенок злоупотребления политической властью, возможно в форме лоббирования субъективных интересов, протекции и пр.: «Высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) заинтересованных субъектов Российской Федерации <...> вправе принимать участие в агитации по вопросу референдума об об-

разовании в составе Российской Федерации нового субъекта, но не вправе использовать преимущества своего должностного положения» (п. 1.2 ст. 11). Это делается, как правило, для того, чтобы подчеркнуть нацеленность законодателя на следование принципу равноправия. Де-факто в подобных контекстах речь идет не о «правовых преимуществах», а, скорее, о словесной форме, удачно совпадающей с исследуемым нами институтом юриспруденции, но не соответствующей его содержанию. Например, вводная часть Закона РФ от 25.10.1991 № 1807-1 в ред. от 12.03.2014 «О языках народов Российской Федерации» указывает: «В Российской Федерации недопустимы пропаганда вражды и пренебрежения к любому языку, создание противоречащих конституционно установленным принципам национальной политики препятствий, ограничений и привилегий в использовании языков».

Думается, что мы, ученое сообщество, а также практики, занимающиеся процессом правотворчества, должны обратить внимание и на современное значение *архаизмов* (от лат. *archaios* — древний) и *историзмов*. Представляя собой буквально «грамматическую форму, содержащую устаревшие слова и обороты речи» (Кузнецов (ред.) 2000, 47), они образуют пассивную часть русского, в том числе юридического, языка. Для системы правовых преимуществ характерно присутствие, но не закрепленное де-юре, таких архаизмов, как «вольность», «пожалование» и пр.

Не стоит категорично предавать забвению их значение для современной лексико-юридической семантики слов. Скажем, термин «воля» и его производное значение «вольность» опосредовано употребляются при толковании нормы ст. 258 «Незаконная охота» Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ. При помощи подобного архаизма определяется предмет данного преступления — состояние естественной свободы животных (находящихся на воле или выпущенных на волю). По сути, указанная пассивная, забытая словесная форма адаптирует язык нормотворчества для более четкого и ясного применения законодательства, конкретизации правовых норм.

Выдержанные, разумные меры, направленные на адаптацию некоторых таких слов и формулировок, дадут определенный положительный результат. Развитие отечественного права и государства отчетливо продемонстрировало: путь искоренения архаизмов и историзмов в качестве слов, исчезнувших из оборота ввиду изменения идеологии общества и государственно-правовой фармации, ошибочен. Попытки искусственно заретушировать отдельные типы преимуществ, например привилегию, показали лишь декларативность норм советского законодательства, по сути, содержащего данное явление. Полагаем, что аккуратное, обоснованное возвращение архаизмов и историзмов в активную правовую лексику послужит хорошим примером преемственности законодательства, последовательности, готовности реагировать на потребности общества, но не путем «латания дыр» (Власенко 2013, 48).

Рассматривая технико-юридические особенности закрепления правовых преимуществ, необходимо остановиться на *словосочетаниях*, роль которых в общей теории права и отраслевых юридических знаниях достаточно велика. Хорошо известны такие словосочетания, имеющие фундаментальное значение для правоведения, как «правовое государство», «юридическая ответственность», «законные интересы». Конструкция правовых преимуществ сама по себе, с точки зрения русского языка, является словосочетанием. Формируется она на основе совокупности двух общепотребительных языковых единиц.

Однако относительно видов и подвидов правовых преимуществ дело обстоит иначе. Одни из них представляют собой устойчивые сочетания слов, при помощи них не одно десятилетие законодатель обеспечивает оказание большей помощи одному субъекту, чем другому (например, «социальное пособие»), другие — ядро отдельных преимуществ, однако не имеют пока устоявшейся функциональной основы и варьируются (например, «неприкосновенность личности» и «личная неприкосновенность»).

Такую ситуацию нельзя назвать сугубо негативной. Отчасти она свидетельствует о широте языковых форм и гибкости правовых отношений, их мобильности. С технико-юридической точки зрения важно, что комбинация «правовое преимущество» имеет общелитературную природу, которая при должном внимании правотворческих органов может стать устойчивым специально-юридическим сочетанием слов, а значит, эффективным средством правового регулирования, обеспечивающим единообразие (пусть даже приводящее к стереотипности), четкое и ясное применение льгот, иммунитетов, привилегий, особых правовых процедур. Мы настаиваем на употреблении именно словосочетания «правовое преимущество», указывающего на легальный, соответствующий праву путь улучшения положения субъекта и приобретения им каких-либо выгод.

Следующая закономерность законодательного закрепления правовых преимуществ (к сожалению, носящая негативный характер) — *отсутствие четкой дефинитивной основы*. Безусловно, для устранения существующей дисгармонии и дисбаланса в системе правовых преимуществ правотворческим органам следует использовать возможности законодательных дефиниций: как родового понятия «правовое преимущество», так и видовых «иммунитет», «привилегия», «льгота», «особая правовая процедура». На ключевой характер норм-дефиниций не раз обращали внимание ученые. Поддерживая данный тезис, акцентируем внимание на том, что дефинитивная основа любой опосредованной правом сферы общественных отношений — это аксиома юридической науки.

Несмотря на то что юридический термин «преимущество» имеет свою специфику, он тесно связан с общеупотребительным значением данного слова. Как известно, по объективным причинам законодатель не всегда может обойтись без употребления специально-юридических понятий. Однако там, где явление правовой жизни легко может быть определено через общеупотребительное слово, правотворческие органы просто обязаны это сделать. В таком случае термины станут понятными не только специалистам, но и всем, к кому они обращены. Как точно сказал С. С. Алексеев, «простые, всем хорошо известные слова... хотя и дают каждому общее представление о данном предмете, все же в полной мере раскрывают свое содержание на основе специальных юридических знаний» (Алексеев 1999, 108).

Формированию знания о подобного рода понятиях способствует их дефинитивная основа. В противном случае специально-юридическое значение слова может быть искажено, понято неверно. Дефиниция как раз и обеспечит специализацию значения термина «преимущество», вкрапление в его природу иных единиц словообразования, через которые станут ясны его признаки, сущностные качества, позволит закрепить отправные, исходные начала будущих норм, ставящих одного субъекта в неравное положение с другим. Здесь важно указать главные черты

понятия, позволяющие отличить его от иных, смежных, схожих по своей природе и функциональности.

Сказанное детерминирует другую проблему — «заигрывание» с элементами бланкетного и отсылочного формулирования дефиниции через иные понятия, также нуждающиеся в трактовке. Например, Федеральным законом от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» была предпринята, казалось бы, благая попытка закрепить в одной из первых статей дефинитивный аппарат важной сферы межгосударственных отношений. Однако то, как законодатель осуществил это, не может не вызывать критических замечаний: «Юрисдикционные иммунитеты иностранного государства и его имущества — судебный иммунитет, иммунитет в отношении мер по обеспечению иска и иммунитет в отношении исполнения решения суда» (ч. 3 ст. 2).

Каждое из представленных в определении понятий, в свою очередь, требует интерпретации. В теории этот прием именуется «выведением понятия из понятия», однако применить его можно лишь путем системного толкования совокупности норм международного и национального права, что не всегда гарантирует однозначное понимание и применение.

Кроме того, вряд ли стоит злоупотреблять при закреплении преимуществ такими технико-юридическими приемами, как исключения, оговорки и пр. Типичный пример: «Иммунитет бюджетов бюджетной системы Российской Федерации представляет собой правовой режим, при котором обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется только на основании судебного акта, за исключением случаев, установленных ст. 93.3, 93.4, 93.6, 142.2, 142.3, 166.1, 218, 242 и 242.6 настоящего Кодекса» (ст. 239 Бюджетного кодекса РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ).

Законодательные дефиниции, а также положения, касающиеся раскрытия содержания правовых преимуществ, не должны содержать тавтологии: «Запрещается использование государственной или муниципальной преференции в целях, не соответствующих указанному в заявлении о даче согласия на предоставление государственной или муниципальной преференции целям» (ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Обратное тавтологии, но, безусловно, положительное явление — тождество. Увлечение синонимией, антонимией, оговорками, исключениями увеличивает риск нарушения закона тождества (от лат. *lex identitatis*), означающего, что всякое суждение, умозаключение, выраженное в определенной форме, термине, должно сохранять свою первоначальную форму и значение только в имеющемся изначально и известном заранее контексте.

Нарушение данного постулата выражается в изъянах законодательного использования одних терминов для обозначения разных правовых явлений или, наоборот, опосредования различных феноменов термином, имеющим исходное абсолютно иное, противоположное значение. Парадоксально, что вышеуказанные отклонения от правил юридической техники допускаются органами, которые должны вырабатывать меры, направленные на совершенствование законотворческого процесса. Так, Алтайское краевое Законодательное собрание, видимо, во избежание тавтологии и в целях поиска синонимичного термина допустило терминологическую

замену слова «льгота» словом «привилегия»: «Часть 7 статьи 1 закона Алтайского края “О поддержке лизинговой деятельности в отраслях реального сектора экономики Алтайского края” в части предоставления льгот по налогам и сборам организациям отраслей реального сектора экономики края, участвующим в лизинговой деятельности, противоречила федеральному законодательству, в котором таких привилегий не содержится» (Постановление Алтайского краевого Законодательного собрания от 28.04.2012 № 146 «О Докладе Алтайского краевого Законодательного собрания “О состоянии законодательства Алтайского края в 2008–2011 годах и перспективах его совершенствования” и рекомендациях депутатских слушаний на тему “Законодательство Алтайского края: состояние, мониторинг и перспективы совершенствования”»). Несомненными плюсами языка преимуществ должны стать определенность, единообразие, доступность для широкого понимания.

Особое место в процессе совершенствования технико-юридического отражения преимуществ в законодательстве занимают не только дефинитивная основа, прямой, конкретный способ закрепления. Это лишь первый шаг. Далее необходимо добиться их терминологического классификационного построения. Для этого следует четко выделить место каждого термина в общей системе:

- 1) «правовое преимущество» — *родовое понятие*;
- 2) «иммунитет», «привилегия», «льгота», «особая правовая процедура» — *видовые понятия*;
- 3) «преференция», «субсидия», «властная прерогатива», «грант», «компенсация» и пр. — *подвидовые понятия*.

Ключевым является не сам факт построения этой «идеальной» конструкции, можно было бы обойтись и без нее. Однако значение родового понятия «правовое преимущество» при нормативном закреплении обязательно должно предопределить формулировку видовых терминов, а те, в свою очередь, подвидовых. Подобное состояние дефиниций позволит выделять отличие типов и видов преимуществ, исключить подмену понятий, путаницу при реализации конкретных преимуществ.

При таком подходе можно будет говорить о формировании полноценной *правовой конструкции* через законы формальной логики, диалектики: движение от частного к общему и от общего к частному, переход количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей. Обеспечив соединение правовых понятий подвидового уровня (например, компенсаций и дотаций) в видовое (в частности, льготу), а совокупности видовых — в родовое, можно не только структурировать их по признакам схожести, но и интегрировать в более высокую абстракцию — правовую конструкцию преимуществ. Последняя при таком технико-методологическом подходе станет обладать свойствами логичности, непротиворечивости и перейдет из разряда доктринальных явлений в полноценную законодательную систему.

По Р. Иерингу, этот процесс (создание юридических конструкций) представляет собой «алфавит права» или даже «химию права», т. е. разложение сложного материала на составные части и их воссоединение через соотношение «правовых тел» с «субстанцией права» и «правовым материалом», что позволит добиться «преобразования всего правового материала по смыслу указанного воззрения, проведе-

ния точки зрения индивидуального существования юридического тела в ее полной последовательности» (Иеринг 1905, 65).

Применительно к системе правовых преимуществ эта процедура обеспечит сокращение двусмысленных элементов при определении дополнительных прав и расширенных возможностей, движение стимулирующего и поощрительного потенциала преимуществ в едином направлении. В таком случае будут воплощаться и иные «законы юридической техники», по Р.Иерингу: непротиворечивости, юридической красоты, систематического единства.

Формулируя теоретико-прикладную конструкцию правовых преимуществ, мы одновременно установим тесную связь с иными юридическими конструкциями: юридической ответственностью, правовым статусом. Как верно отмечает Л.И. Глухарева, «благодаря этому правовой регулятор (право в целом) представляется как системное образование» (Глухарева 2010, 45).

Преимущество должно четко определять объемы предоставления дополнительных благ, их форму и содержание, а также пределы и, если это допустимо, критерии усмотрения властных прерогатив, квот, субсидий и т.д. Отсюда структура конструкции «правовое преимущество» может выглядеть следующим образом:

- субъект;
- объект;
- сфера (предмет) регулирования;
- цель;
- характер;
- объем;
- ограничения.

Под *субъектом* следует понимать лиц (физических и юридических), которым адресовано данное благо, кому оказываются меры поддержки и помощи, а также разрешено воздержаться от выполнения какой-либо обязанности или следования определенному поведению. *Объект* правового преимущества составляет само благо (материальное, финансовое, духовное). *Предмет* регулирования преимущества — это группа общественных отношений, для создания режима благоприятствования в которых конкретный тип преимущества закреплен законом. *Цель* преимущества, как правило, наряду с *субъектом* и *объектом*, напрямую закрепляется нормативным правовым актом и гарантирует адресное применение преимуществ, подотчетность использования. От *характера* зависит, какой метод правового регулирования будет использован законом: поощрительный, стимулирующий, охранительный или даже их сочетание. Под *объемом* мы понимаем конкретные качественно-количественные характеристики предоставляемых выгод, средств поддержки и мер помощи. Наконец, *ограничения* — это неотъемлемый элемент гарантирования разумности, объективности и конкретности установления льгот, иммунитетов и привилегий, снижения рисков коррупционной составляющей при их получении за счет установления конкретных сроков, критериев обладания, пределов действия и пр.

Закрепив теоретико-прикладную конструкцию «правовое преимущество», мы обеспечим соблюдение основополагающих *лексических, логических и содержательных требований* к использованию языковых средств в текстах нормативных правовых актов. К таким требованиям относятся:

- *единство*; через термин «преимущество» будет закреплена форма и будет объясняться содержание всех форм улучшения положения субъекта, получения ими правовых, финансовых выгод, неподверженности отдельным обязанностям;
- *общепризнанность*; данный термин, в отличие от «льготных привилегий», «расширенной неприкосновенности», «исключительной гарантии» и т. п., так часто встречающихся в нормативных правовых актах и литературе, общеупотребителен и понятен абсолютному большинству граждан (вывод сделан на основании анкетирования различных категорий граждан, проведенного авторами в Республике Алтай, Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской, Пензенской и Саратовской областях с целью выяснения общественного мнения по проблемам преимуществ в российском праве и законодательстве), не сконструирован искусственно, для придания красноречивости описываемым общественным отношениям, языковой красоты и т. д.;
- *доступность*; применение термина «преимущество» в законодательстве обеспечит абсолютно правильное его восприятие, адекватное отражение характера действия (неподверженность, помощь, поддержка и др.);
- *отказ от злоупотребления иностранными терминами*; предложенное нами сочетание слов является исконно русским и не вызывает необходимости дополнительного лингвистического толкования;
- *современность*; слово «преимущество» на сегодняшний день находится на пике медийной популярности и является неотъемлемым атрибутом предпринимательской деятельности, маркетинга, рекламы различных товаров и оказания услуг, ставящих их владельца в более выгодное положение относительно других;
- *простота, благозвучность, позитивное восприятие* адресатами норм; как мы неоднократно указывали, применение законодателем термина «привилегия» изначально подчеркивает акцент на неравенстве, настраивает субъекта на негативное его восприятие; иное дело — термин «преимущество», нивелирующий эмоциональную сторону вопроса; у абсолютного большинства опрошенных респондентов не вызвало негативной реакции упоминание имеющихся правовых преимуществ в одном ряду с информацией о совершенном правонарушении лицом, ими обладающим.

Вместе с тем мы призываем не абсолютизировать названные свойства. Институт преимуществ в праве, объединяя множество различных по характеру регулятивных норм, не может, например, полностью уйти от использования заимствований из других языков. В частности, при отсутствии объективной возможности заменить такие виды преимуществ, как «преференция», «субсидия», «субвенция», аналогами русского языка, их применение в законодательных нормах должно соответствовать требованиям *упорядоченности, стабильности, однозначности*.

Наконец, последнее требование лексического характера. Употребление в законодательстве именно термина «правовое преимущество» имеет ярко выраженные плюсы:

- 1) специфика его семантики показывает, что она выражена сугубо терминологически; законодателю фактически нужно произвести юридическую терми-

нологизацию слова «преимущество», имеющего общеупотребительное значение;

- 2) полисемию употребления типов правовых преимуществ (льгот, привилегий и т. д.) можно устранить, дав правоприменителю единый термин, который объединил бы весь этот терминологический ряд;
- 3) это, в свою очередь, устранит идеологический компонент из самого института преимуществ, особенно такого типа, как привилегия; в данном случае мы не говорим о полной деидеологизации, но подчеркиваем внеклассовый характер правовых преимуществ, стремимся сформировать новую идеологию восприятия этого универсального правового средства.

Говоря о содержательном аспекте совершенствования законодательной техники закрепления в нормах преимуществ, нужно в первую очередь обратить пристальное внимание на ряд основных моментов:

- 1) необходимо использовать такой прием, как «исчерпывающий перечень», в отношении субъектов, пользующихся правовыми преимуществами; исследование экспертного мнения специалистов показывает, что без этого будет довольно сложно обеспечить эффективность правового регулирования через систему иммунитетов, льгот, привилегий и особых правовых процедур; здесь речь должна вестись и об исчерпывающем перечне исключений при употреблении в конструкции правового преимущества, что упрочит критерии конкретности и разумности подобных отступлений от равенства, повысит точность и адресность правового регулирования;
- 2) в качестве другого требования при установлении правовых преимуществ необходимо выделить установление лишь нормами федерального законодательства; здесь речь идет не только о самой формулировке, но и обо всех компонентах конструкции: объекте, характере, ограничениях и пр.; лишь процедура получения (сроки оформления, перечень документов, предоставление которых необходимо, и др.) может быть установлена подзаконными нормативными правовыми актами;
- 3) отдельного внимания с точки зрения *содержательных требований* юридической техники заслуживает использование в качестве основания правовых преимуществ такого оценочного понятия, как «уважительные причины»; на необходимость его толкования и вытекающие из этого сложности правоприменительного характера ранее указывалось (Субочев 2008, 384; Суменков 2016, 337); безусловно, имеет место объективное, позитивно оцениваемое применение законодателем данного словосочетания, когда оно, хотя и зависит от определенного стечения обстоятельств, но все же обусловлено вескими основаниями.

Положительным примером для последнего момента мы считаем норму ст. 12 Федерального закона от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», устанавливающую: «При обращении за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячным пособием по уходу за ребенком по истечении шестимесячного срока решение о назначении пособия принимается территориальным органом страховщика при наличии уважительных причин пропуска

срока обращения за пособием». Перечень уважительных причин детализирован соответствующим ведомственным нормативным правовым актом (Приказ Минздравсоцразвития РФ от 31.01.2007 № 74 «Об утверждении Перечня уважительных причин пропуска срока обращения за пособием по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, ежемесячным пособием по уходу за ребенком»).

Полагаем, что обязательным должно быть указание на перечень подобных обстоятельств, пусть и не исчерпывающий. Так, ни сами «уважительные причины», ни их «исчерпывающий» (или хотя бы «примерный») перечень не установлены для предоставления льготного срока исполнения договора авторского заказа. Норма статьи федерального кодифицированного нормативного правового акта лишь указывает: «В случае, когда срок исполнения договора авторского заказа наступил, автору при необходимости и при наличии уважительных причин для завершения создания произведения предоставляется дополнительный льготный срок продолжительностью в одну четвертую часть срока, установленного для исполнения договора, если соглашением сторон не предусмотрен более длительный льготный срок» (ст. 1289 Гражданского кодекса РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ).

Здесь мы вынуждены обращаться к таким критериям установления правовых преимуществ, как *разумность*, *действительность* и *определенность*. Двойственность взгляда заключается в том, что разумность демонстрирует гибкость законодателя, его готовность идти на компромисс, следовать не только букве, но и духу. Вместе с тем должны существовать пределы, грани, подобной вольности при установлении правовых преимуществ на основе разумности, что возможно только в качестве временного явления, нуждающегося в скорейшей детализации, четком и однозначном закреплении. В противном случае возникает риск правовой неопределенности.

Высказанные предложения, направленные на совершенствование технико-юридического закрепления системы правовых преимуществ в российском законодательстве, мы предлагаем реализовать на практике, сделав решительный шаг от абстрактного к конкретному, от неопределенности к стандартизации, стереотипности, единообразию. Удовлетворить все вышеуказанные требования, образующие триединую основу в виде требований лексических, логических и содержательных, можно при полноценной *конкретизации* и *унификации* норм законодательства, посвященных правовым преимуществам. Итогом данной работы должно стать принятие федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения вопросов предоставления правовых преимуществ и использования единой терминологии». Это станет, полагаем, закономерным процессом «взросления» системы правовых преимуществ, ее зрелости, стабильности.

3. Выводы. Подводя итог, особо подчеркнем несколько важных моментов:

- повышение эффективности правового регулирования системы преимуществ при помощи совершенствования юридической техники должно основываться на одновременном соблюдении совокупности требований, объединенных в три группы: лексических, логических и содержательных; *лексические* требования следует направить на единообразную, точную, ясную словесную, символную передачу информации о преимуществах, их видах и целевом назначении; логические требования обеспечат классификацион-

ное построение системы правовых преимуществ, их непротиворечивость, преемственность, последовательность; содержательные требования позволят сформировать полноценную теоретико-прикладную правовую конструкцию законодательно установленных преимуществ, наполненную как выверенной технико-юридической формой, так и содержанием;

- нацеленность на повышение эффективности правового регулирования через систему правовых преимуществ, на наш взгляд, немислима без устранения дефинитивного пробела; важно «склонение» законодателя именно к «классификационной дефиниции» правового преимущества, которая формулирует логический ряд видовых и подвидовых понятий;
- в дальнейшем правотворческим органам необходимо следовать правилу надлежащего выбора средства правового регулирования; на примере это выглядит следующим образом: для того чтобы обеспечить поддержку наиболее активной, стремящейся к достижению высокого результата группы субъектов, нужно использовать институт привилегий с ее разновидностями — преференциями, грантами, квотами и др.; если же речь идет о помощи нуждающимся, не стоит избегать категориального аппарата льготно-правового регулирования; только в этом случае будет достигаться необходимый правовой эффект: одни субъекты получают дополнительные права, на других возложат обязанности по их воплощению и защите;
- следует придерживаться оправданного и конкретного использования технико-юридических приемов детализации преимуществ и установления критериев их получения, пределов действия: оговорок, исключений, дополнений, примечаний.

Изложенные предложения, при условии лексического, логического, содержательного следования им, позволят создать полноценную теоретико-прикладную матрицу системы правовых преимуществ, направленную на устранение существующих проблем юридической практики.

Библиография

- Алексеев, Сергей С. 1999. *Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования*. М.: Статут.
- Баранов, Владимир М. 2000. «Предисловие». *Проблемы юридической техники*, под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород: НА МВД России: 11–12.
- Белоусов, Сергей А. 2015. «Актуальные проблемы сбалансированности системы российского законодательства: в поисках равновесного состояния между унификацией и специализацией». *Вопросы экономики и права* 86: 7–12.
- Белоусов, Сергей А. 2015. «Правотворчество и законодательный дисбаланс: диалектика взаимосвязи». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право* 1: 63–68.
- Власенко, Николай А. 2001. *Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила)*. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания.
- Власенко, Николай А. 2013. «Кризис права: проблемы и подходы к решению». *Журнал российского права* 8: 43–54.
- Власенко, Николай А. 2007. «Текст юридических документов: методология исследования». *Современные методы исследования в правоведении*, под ред. Николая И. Матузова, Александра В. Малько. Саратов: СЮИ МВД России: 485–505.

- Глухарева, Людмила И. 2010. «Юридическая ответственность как правовая конструкция». *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки* 3: 44–47.
- Иеринг, Рудольф фон. 1905. *Юридическая техника*. СПб.: Типо-Литография А. Г. Розена.
- Карташов, Владимир Н., Сергей В. Бахвалов. 2010. *Законодательная технология субъектов Российской Федерации*. Ярославль: ЯрГУ.
- Кашанина, Татьяна В. 2008. «Логика права как элемент юридической техники». *Журнал российского права* 2: 25–35.
- Колесник, Ирина В. 2014. *Теоретическая модель правоприменительной технологии*. Дис. ... д-ра юрид. наук. Нижегородская академия МВД России.
- Кузнецов, В. А. (ред.). 2000. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
- Субочев, Виталий В. 2008. *Законные интересы*. М.: Норма.
- Суменков, Сергей Ю. 2016. *Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ*. М.: Юрлит-информ.

Статья поступила в редакцию 10 октября 2018 г.;
рекомендована в печать 17 мая 2019 г.

Контактная информация:

Ревьев Артем Григорьевич — канд. юрид. наук; rejev-artem@yandex.ru
Сенякин Иван Николаевич — д-р юрид. наук, проф.; vestnik2@ssla.ru

Regularities and shortcomings of technical and legal fortification of legal advantages of modern Russian legislation

A. G. Rejev¹, I. N. Senyakin²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
49, ul. Chkalova, Barnaul, 656038, Russian Federation

² Saratov state legal academy,
1, Volskaya ul., Saratov, 410056, Russian Federation

For citation: Rejev, Artem G., Senyakin, Ivan N. 2019. "Regularities and shortcomings of technical and legal fortification of legal advantages of modern Russian legislation". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 428–443. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.302> (In Russian)

Advantages in rights and legislation, at this stage of development of jurisprudence, have not become subject of conceptual scientific analysis. In this regard, it seems relevant to comprehend forms of their expression in the language of legal documents and the technical and legal features characteristic of acts of federal, regional and municipal levels. The designated purpose of this work was defined as solution of the following scientific and practical tasks: to reveal the developed regularities and the existing shortcomings of legal definiteness in legislation of advantages of some subjects over others; and to define the priority technical and legal directions of optimization of the process of fortifying legal advantages in regulations. The analysis of an array of legislation showed that, despite active use of the constructions "legal advantage", "advantageous situation" and "privilege", law-making bodies did not make an attempt to formulate a definition of this basic term, "legal advantage", to offer a specific and subspecific division. The designated omissions, today, led not only to a synonymy of specific concepts of a system of legal advantages: benefits, privileges, immunity; but also subspecific: compensations, subsidies, grants, etc. The law enforcement official in such a situation, for lack of clear, accurate regulation of legal governance through a system of this sort of permissions of the highest order, is forced to go the way of analogy and interpretation, unfortunately, not always accurately. The authors' conclusions help to define ways of improving the legislative process,

to propose possible solutions of the formed legal collisions and contradictions, and to provide concrete recommendations to improve technical and legal process of solidifying legal advantages in rulemaking language.

Keywords: legal advantage, legal equipment, exception, estimated concept, privilege, immunity, privilege.

References

- Alekseev, Sergey S. 1999. *Law: ABC-theory-philosophy: experience of complex research*. Moscow, Statut Publ. (In Russian)
- Baranov, Vladimir M. 2000. "The preface". *Problems of the Legal Equipment*, ed. V. M. Baranov. N. Novgorod, Nizhny Novgorod Russian Interior Ministry Academy Publ.: 11–12. (In Russian)
- Belousov, Sergei A. 2015. "Current problems of balance of system of the Russian legislation: in search of an equilibrium state between unification and specialization". *Voprosy ekonomiki i prava* 86: 7–12. (In Russian)
- Belousov, Sergei A. 2015. "Law-making and legislative imbalance: dialectics of interrelation". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* 1: 63–68. (In Russian)
- Glukhareva, Liudmila I. 2010. "Legal responsibility as legal design". *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki* 3: 44–47. (In Russian)
- Iering, Rudolf fon. 1905. *Legal technique*. St. Petersburg: Tipo-Litografiia A. G. Rozena Publ. (In Russian)
- Kartashov, Vladimir N., Sergei V. Bakhvalov. 2010. *Legislative technology of territorial subjects of the Russian Federation*. Iaroslavl', Yaroslavl State University Publ. (In Russian)
- Kashanina, Tat'iana V. 2008. "Logic of the right as element of the legal equipment". *Zhurnal rossiiskogo prava* 2: 25–35. (In Russian)
- Kolesnik, Irina V. 2014. *Theoretical model of law-enforcement technology*. PhD diss., Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia. (In Russian)
- Kuznetsov, V. A. (ed.). 2000. *Russian big explanatory dictionary*. St. Petersburg, Norint Publ. (In Russian)
- Subochev, Vitalii V. 2008. *Legitimate interests*. Moscow, Norma Publ. (In Russian)
- Sumenkov, Sergei Iu. 2016. *Law exceptions: the theoretic-instrumental analysis*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Vlasenko, Nikolai A. 2001. *Legislative technology (Theory. Experience. Rules)*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskaiia izdatel'skaia kompaniia. (In Russian)
- Vlasenko, Nikolai A. 2013. "Right crisis: problems and approaches to the decision". *Zhurnal rossiiskogo prava* 8: 43–54. (In Russian)
- Vlasenko, Nikolai A. 2007. "Text of legal documents: research methodology". *Modern methods of a research in jurisprudence*, eds Nikolai I. Matuzov, Aleksandra V. Mal'ko. Saratov, Saratov legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ.: 485–505. (In Russian)

Received: October 10, 2018

Accepted: May 17, 2019

Author's information:

Artem G. Repev — PhD; repev-artem@yandex.ru

Ivan N. Senyakin — Dr. Sci., professor; vestnik2@ssla.ru